

Александр Афанасьев, Ирина Василенко
СМЕХ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Обычно смех не рассматривают в контексте рациональности, видимо потому, что, прежде всего, бросаются в глаза его телесные и чувственно-эмоциональные признаки. Действительно, его изучают либо как проявление индивидуальной или культурной телесности [6, с. 71], либо как переживание, чувство, в любом случае отражающие эмоциональное состояние человека. Даже когда смех анализируется как феномен культуры и рассматривается как символ или коммуникативный знак, чаще всего отмечается его спонтанность, неосознанность, иррациональность, и даже антиинтеллектуальность, например, как осмеяние рационального [7, с. 26]. Обращается внимание на то, что смех демонстрирует переход от несвободы к свободе как освобождение от рациональных оков условностей [1, с. 9–10].

Не ставя под сомнение вышеназванные характеристики смеха, отметим, что он имеет также и рациональные основания и проявления, выявление которых и является целью данной статьи.

Актуальность данной проблемы обусловлена необходимостью выявления рациональных оснований культуры вообще и отдельных культурных феноменов, к которым относится также и смех. Если же принять во внимание возрастание интереса к проблеме рациональности в настоящее время, в особенности в связи с кризисом классического рационализма и потребностью пересмотра его оснований с учетом постмодернистских веяний, то указанная проблема приобретает дополнительную актуальность.

Понятие «смех» охватывает не только соответствующую мимику, звуки, жесты и иные телесные реакции на смешное (хватание за живот, сгибание пополам своего тела, запрокидывание головы и др.), но и производство этого смешного, его восприятие, оценку, интерпретацию, понимание. Таким образом, смех – довольно сложное и многогранное социокультурное явление. То, что вызывает смех или улыбку, например, анекдот, остроту, шутку и т. п., можно назвать объектом смеха. Людей, участвующих в смеховом процессе, т. е. шутников, пытающихся вызвать смех, и их слушателей, принимающих или не принимающих шутки, – субъектами смеха. Субъекты смеха не обязательно должны видеть

и слышать друг друга, они могут быть разделены в пространстве и во времени, например, можно читать смешные истории, написанные в незапамятные времена в другой стране. В некоторых случаях объект и один из субъектов смеха могут совпадать, например, клоун, пытающийся вызвать смех над собой. Однако следует отметить, что полного совпадения объекта и субъекта смеха не бывает. Даже клоун в цирке, шут при короле или участник карнавала скорее создают некий образ, ситуацию, символ и т. п., подпадающие под норму смешного, для чего специально наряжаются и гримируются. Этим как бы подчеркивается, что не они сами по себе смешны, а то, что изображается или представляется, т.е. объект смеха.

Понятие «рациональность» применимо не только к мышлению, или к формам бытия знания в культуре, но и к различным формам человеческой деятельности и ее результатам. Если под рациональностью понимается система замкнутых и самодостаточных правил, норм, эталонов, принятых в рамках данного социума [3], то для определения рациональных оснований смеха достаточно указать соответствующие правила, нормы, эталоны, которым подчиняется смеющийся или продукт смехового производства. Если же рациональность считать атрибутом не концептуальной системы как таковой, а человеческой деятельности [10, с. 141], то последнюю можно назвать рациональной, если она осуществляется в соответствии с определенными правилами и нормами, зафиксированными в общезначимой форме [9, с. 123]. В этом случае производство и восприятие смешного и самого смеха, их оценка и трансляция могут быть отнесены к рациональной деятельности, если указаны соответствующие правила и нормы.

Прежде всего, отметим, что формы выражения смеха и как телесное проявление, и как духовный продукт культуры при всем разнообразии чувственно-эмоционального и интеллектуального проявления и окраски подчиняются определенным нормам, которые заданы соответствующей культурой. Нормируются культурой даже формы телесных смеховых реакций: как мимика, так и движения тела. Бурные выражения своего отношения к смешному могут в определенных ситуациях осуждаться как неприличные, и человек будет

сдерживать рвущийся из груди «дикий хохот», даже если ему очень смешно или, напротив, улыбаться «во весь рот», когда ни смешного, ни радостного нет. В обоих случаях имеют место определенные, довольно четкие нормы, которые хорошо осознаны, сформулированы и, например, в воспитательных целях подробно разъясняются.

Смех и его разнообразные виды сопровождаются не только различной, но вполне определенной рационально нормированной мимикой (улыбка или ей подобная гримаса), но и характерными, соответствующими некоторым вполне определенным нормам и представлениям, звуками, например, «ха-ха-ха», «гы-гы-гы» «хо-хо-хо» и т. п., каждый из которых выполняет определенную культурную функцию. Можно довольно долго перечислять целый спектр улыбок от сдержанной и даже грустной до радостной, «до ушей», и довольно большой набор звуков различной модуляции и окраски от тихих до громогласных, от издевательских до сочувственных. Нередко тут проявляются психологические особенности людей, специфика эмоционального состояния и выражения и сама иррациональная сила смешного, порой прорывающая рациональную цивилизованную оболочку. Однако во многих случаях все эти формы смеха продуманы в соответствии, например, с этикетом или осмысленной потребностью выразить вполне определенное отношение к происходящему. Но и в случае искреннего, внезапного и «незапланированного» смеха в нем содержатся приобретенные в процессе социализации индивида нормы смеховой культуры. Действительно, смех и улыбка как телесные проявления и как символы или знаки – это социокультурные феномены, регулируемые определенными культурными и общественными процессами и нормами: системой воспитания и образования, юридическими запретами, религиозными установками, общественным мнением, особенностями коммуникации в данной местности или историческом периоде и др.

Свои нормы и формы смешного имеет как первобытная культура, так и каждая последующая культурная эпоха в истории человечества. Древние массовые веселья подчинялись строго определенным ритуальным нормам и среди прочего выполняли важную функцию поддержания космического порядка. Древние

веселья, например вакханалии в честь бога Вакха (Диониса), соблюдая определенный ритуальный порядок, т. е. по форме подчиняясь определенным нормам, по содержанию носили характер необузданных оргий, выражая подсознательные и бессознательные порывы. Пришедшие им на смену и переосмысленные веселые христианские праздники не только по форме, но даже по содержанию подчинены рациональным нормам, например, Масленица или Вальпургиева ночь, когда элементы языческих обрядов переосмыслены христианским мировоззрением. Более того, охраняемые православной церковью юродивые, вызывающие смех своим внешне неразумным поведением и неразумными речами, признаются, в конечном счете, выразителями более глубокого разума.

Важной функцией смеха является коммуникативно-информационная. Звуки и мимика, сопровождающие смех, несут некоторую информацию, как в условиях различных культур, так и в рамках одной культуры или социума, обозначаются определенными знаками, например, в случае письменного сообщения или в рамках литературного произведения. Так в художественной литературе сложилась определенная классификация слов для передачи, как характера смеха, так и отношения героев и самого автора к объектам и субъектам смеха. Звуками «хо-хо-хо» обозначают превосходство, звуки «хи-хи-хи» символизируют неловкость, приниженность, раболепие, звуками «хе-хе-хе» выражают скептическое, ироническое, презрительное отношение к собеседнику [2]. Иными словами, смех сопровождается рациональной маркировкой, имеющей значения и смыслы, которые расшифровываются и принимаются или отвергаются окружающими. Это дает основание говорить о смехе как коммуникативном процессе, выстроенном на рациональных основаниях, в ходе которого устанавливается (или не устанавливается) взаимопонимание между субъектами коммуникации.

Смех, представленный как коммуникативный процесс и вообще как социокультурный феномен, обнаруживает и различные уровни интерпретации, свойственные соответствующему пониманию объекта смеха, которое обусловлено определенными рациональными основаниями. Примером может служить

созданный И. Ильфом и Е. Петровым в «Двенадцати стульях» типичный юмористический образ нэпмана – владельца Одесской бубличной артели «Московские баранки» в городе Черноморске гражданина Кислярского. При современном прочтении за первым уровнем интерпретации смешного образа Кислярского открывается второй уровень. Это весьма грустная с цивилизованной точки зрения вещь, а именно, полная беззащитность перед государством крупного социального слоя предпринимателей, свидетельством чего является знаменитая универсальная «допровская корзинка» Кислярского. Она служила ему и кроватью, и столом, и шкафом, и была необходима в первую очередь в тюрьме [5, с. 214–217], куда из-за полного беззакония нэпман мог попасть в любую минуту. Последнее обстоятельство выводит на третий уровень интерпретации: грустную улыбку уже по поводу знаменитых авторов, не понимавших преступности государственного беззакония.

Процесс производства и представления смешного также подчиняется сформировавшимся в культуре нормам, правилам, идеалам, облекается в соответствующую форму. Известные авторы-юмористы пишут шутки для эстрадных исполнителей в соответствии с определенными критериями, а те скрупулезно отбирают материал не просто по собственному усмотрению, а в соответствии с довольно четкими нормами, которые обусловлены идеологией, верованиями, общественным мнением и др. В советские времена признанный исполнитель юмористических миниатюр Аркадий Райкин нередко браковал написанные для него шутки Михаила Жванецкого, опасаясь то их излишней остроты, то несвоевременности. Дело в том, что при советской власти и всевластии коммунистической партии, когда идеология утверждала, что государство и партия все делает для народа, народ не мог плохо жить по определению, и недостатков не могло быть много. А уж насмешки или просто шутки над крупными чиновниками или государством и партией были невозможны «по определению», тем более что контролировалось каждое эфирное или эстрадное слово. Лишь в неофициальных анекдотах и самиздатской литературе или зарубежных изданиях, ставших достоянием общности после крушения коммунистического режима, идеологические символы иногда высмеивались, как,

например, в «Балладе о знамени» или «Маузере Папанина» [4, с. 186–206]. В постперестроечные времена миниатюры М. Жванецкого в его собственном «непрофессиональном» исполнении зазвучали по-другому в рамках изменившихся идеалов и норм. Четким, хотя и не всегда явно сформулированным правилам и нормам подчиняется такой производитель смеха как популярная игра КВН. Относительно короткая история Клуба Веселых и Находчивых показывает, как изменяются объекты смеха и их представление на сцене в соответствии с экономическими, идеологическими и вообще культурными изменениями, которые предопределили изменения идеалов и норм смешного.

Процесс интерпретации смешного также осуществляется в соответствии с определенными нормами. Так, жюри КВН дает даже количественную оценку соответствия или несоответствия шуток и острот неким правилам и нормам, хотя последние не всегда имеют четкие определения и фиксации. Если эти правила не остаются постоянными, все же очевидно, что они всегда имеют место.

Рациональная природа смеха особенно четко обнаруживает себя в том случае, если между субъектами смеха устанавливаются отношения понимания (взаимопонимания). Тогда они включены в единое смысловое поле, позволяющее им примерно одинаково истолковать заложенный в объекте смеха или приписанный ему смысл. Поскольку понимание всегда субъективно, ибо определяется индивидуальным полем смыслов, не вполне совпадающим с общим смысловым полем, возможна множественность и даже альтернативность пониманий как следствие осмысления объекта смеха различным образом, в частности, в различных социокультурных традициях, нравственных нормах, идеологических клише и т. д. Поэтому рискуем утверждать, что понимание объекта смеха всегда имеет место, поскольку субъект всегда приписывает той или иной смысл объекту смеха. Однако взаимопонимание (или адекватное понимание), т. е. тождество приписываемых смыслов, достигается не всегда. Последнее обстоятельство не только не отменяет рациональной природы производства и оценки смешного, как и всякого осмысления, а подчеркивает его. Об этом свидетельствуют многие случаи непонимания смешного в анекдотах

представителями разных стран, культур, социального положения и т. д. Р. Карцев вспоминал, как он рассказал французскому менеджеру знаменитую миниатюру М. Жванецкого, в которой начальник приказал секретарше срочно вызвать Сидорова. Сидорова разыскали.

– Сидоров ждет в приемной, – доложила секретарша.

– Хорошо, пусть войдет, – распорядился начальник.

Сидоров входит.

– Вы – Сидоров? – спрашивает начальник.

– Да.

– Вон отсюда!

Менеджер некоторое время ждал продолжения, а затем поинтересовался, почему начальник не выгнал Сидорова через секретаршу.

Другой пример. Американцу рассказали анекдот времен перестройки, в котором Горбачев, совершая поездку по стране и находясь в провинции, удивленно спрашивает, чем его накануне поили, поскольку у него исчезло родимое пятно. Ему отвечают, что это в столице пьют «андроповку», а в глуши – пятновыводитель. Ничего не понявшему американцу пришлось долго объяснять суть «советского образа жизни» и основные вехи нашей истории. Очевидно, что человек, не знающий культурного или исторического контекста, не может осуществить элементарную рациональную процедуру соотнесения описанного события или рассказанного анекдота с соответствующим контекстом, поэтому не воспринимает их как смешные и в этом смысле не понимает, хотя хорошо понимает, о чем идет речь и может пересказать услышанное, погружая его в свой контекст, в котором рассказанное не является смешным. Смешное хорошо понимается представителями разных народов, когда оно имеет наднациональный или общекультурный контекст и не включает лингвистические тонкости или социокультурные особенности. Тогда даже простой перевод передает смысл смешного, в противном случае необходимо специальное истолкование.

Смеющийся человек порой выражает свое эмоциональное состояние произвольно, можно даже сказать иррационально, не вкладывая специального смысла в свой смех, не имея определенного замысла. Однако, другие субъекты всегда осмысливают его смех, присоединяясь или, наоборот, протестуя

на вполне рациональных основаниях. Например, непроизвольный чистосердечный смех может классифицироваться как невоспитанность или пренебрежительное отношение к окружающим. Участники смехового процесса обязательно «читают» смех смеющегося, в частности, через сопровождающие его знаки, наделяя его собственным смыслом, не обязательно совпадающим с носителем смеха. Такая многозначность смеха также не отменяет его рациональной природы, поскольку осмысление объекта смеха осуществляется в определенных рациональных нормах.

Человек может смеяться в одиночестве, вспомнив или прочитав анекдот, оказавшись в смешной ситуации или увидев некий объект смеха. Однако и в этом случае налицо рациональная природа процесса понимания и взаимопонимания по поводу объекта смеха. Во-первых, смысловое поле индивида сформировалось под влиянием общепринятых смыслов и продолжает испытывать их воздействие. Во-вторых, в объект смеха, например, в прочитанный анекдот, заложен некоторый смысл его создателем. В-третьих, субъект смеха, приписав определенный смысл воспринимаемому объекту смеха, понял его. В-четвертых, в случае совпадения приписанных объекту смеха смыслов достигается взаимопонимание, хотя один из субъектов может находиться в другом месте или иной исторической эпохе.

Существует обоснованная точка зрения, что рациональность в практической и духовной деятельности людей обязательно связана с целью, поскольку охватывает как проект, целеполагание, так и совокупность выбираемых шагов, позволяющих, в конечном счете, достичь поставленной цели [8, с. 48.]. В этом плане смех, как и любой другой продукт рациональной человеческой деятельности, включает в себя целеполагание. Это касается и производства смеха или смешного, и его восприятия. Диктатор Уганды Иди Амин, правивший страной в 70-е годы прошлого века, обиделся на правительство Великобритании, которое отказало в поддержке кровавому диктатору. Узнав из прессы, что в Великобритании снизились темпы экономического роста, Амин задался целью унижить англичан поистине анекдотичным способом. Он объявил на весь мир, что в Уганде организован фонд «Спасем Британию», в который нищие угандийские крестьяне

сдавали понемногу овощей для якобы переживающих экономические трудности англичан, а Амин каждый раз вопрошал на пресс-конференциях, когда же Англия пришлет самолет за продуктами.

Целеполагание как элемент производства и восприятия смешного проявляется, в частности, в том, что смехом или улыбкой дают понять нечто. Ответная улыбка или смех означают адекватное понимание или его имитацию, например, в случае вежливого смеха. Адекватное понимание в данном случае есть взаимопонимание или его определенная степень, поскольку полное взаимопонимание проблематично. В противном случае налицо неадекватное понимание как отсутствие взаимопонимания, часто неточно называемое непониманием. Например, анекдоты, шутки или остроты по поводу партийно-государственных деятелей Советского Союза, политики коммунистической партии, идеологических стереотипов граничили с уголовным преступлением, из-за чего смех над властью и политикой оказался загнанным в подполье, где он продолжал существовать лишь в виде особого смехового жанра – политического анекдота. Преследование их авторов и слушателей было свидетельством не непонимания анекдотов представителями власти, а именно отсутствия взаимопонимания. Более рациональной оценки анекдотов трудно себе представить.

Рациональные основания смеха как культурного явления с очевидностью обнаруживаются при оценке продуктов смехового производства. Так, юмор, шутки называют остроумными или не очень, оригинальными или заимствованными, уместными или неуместными, тонкими или плоскими и т. д. В любом случае они несут информацию о юмористе и его юморе, позволяют его оценить, и реакция может быть не такой, как ожидал автор. Анекдоты или остроты в учебной лекции, политическом диспуте или эстрадном выступлении вполне допустимы и даже желательны, но не будут уместными только потому, что смешны. Они могут оказаться помехой достижению цели, если четко не выразят мысль или окажутся известными слушателям, избитыми.

В плане выявления рациональных оснований смеха небезынтересным оказывается понятие «объективно смешная ситуация». Поскольку понимание смеха, как и любого явления,

субъективно, употребление данного понятия проблематично. В то же время, ситуация, осмысленная с позиций определенных культурных идеалов и норм, разделяемых субъектами смеха, имеет черты объективности или точнее intersубъективности, но лишь в определенных пределах, например в пределах данной культуры. В различных культурных или субкультурных сообществах, а также социальных и политических группах, подобные смешные ситуации могут не совпадать, теряя, таким образом, свою «объективность».

В качестве выводов отметим, что смех представляет собой сложное социокультурное явление. Включая спонтанные, неосознанные, иррациональные черты, он имеет также и рациональные черты, функции, природу. Рациональность в процессе производства и оценки смешного и в протекании самого смеха обнаруживается как в телесных, физических, так и в социальных и культурных проявлениях смеха, детерминированных соответствующими правилами, нормами, эталонами, которым подчиняются творцы смешного и смеющиеся.

1. Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин как философ. – М., 1992.
2. Афанасьев А. И., Василенко И. Л. Смех и взаимопонимание // *Δόξα / Докса*. Збірник наукових праць з філософії та філології. – Вып. 3. Гносеологічні та антропологічні виміри сміху. – Одесса, 2003.
3. Белова Ю. В. Системно-дискрипторный анализ понятия «научная рациональность» // Проблема рациональности наприкінці ХХ століття. Матеріали харківських міжнародних Сковородинівських читань. – Харків, 1998.
4. Веллер М. И. Легенды Невского проспекта. – СПб., 1995.
5. Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев. Золотой теленок. – К., 1957.
6. Левченко В. Л. Смех и тело // *Δόξα / Докса*. Збірник наукових праць з філософії та філології. – Вып. 1. Людина у світі сміху. – Одесса, 2002.
7. Михайлюк А.В. Амбивалентность смеха и сакральность в культуре // *Δόξα / Докса*. Збірник наукових праць з філософії та філології. – Вып. 1. Людина у світі сміху. – Одесса, 2002.
8. Новиков А. А. Рациональность в истоках и утратах // Вопросы философии. – 1995. – № 7.
9. Розов М. А. Рациональность в социальном познании и социальной практике // Исторические типы рациональности. – М., 1995. – Т. 1.
10. Тулмин Ст. Человеческое понимание. – М., 1986.